

ПОЭТИЗИРОВАННЫЙ РАБЛЕЗИАНСКИЙ БРЕВИАРИЙ («КОНСПЕКТ» ТИМУРА КИБИРОВА)

© **Коровашко Алексей Валерьевич (2019)**, SPIN-code: 9423-5439, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), welt20062@yandex.ru

Статья посвящена анализу и интерпретации стихотворения Тимура Кибирова «Конспект», входящего в сборник «Интимная лирика» (1998). В ходе анализа устанавливается, что, вопреки названию, данное стихотворение представляет собой не поэтический парафраз ключевых положений знаменитой книги Михаила Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965), а, условно говоря, систему лирических контраргументов автора, предназначенных для опровержения такого бахтинского тезиса, как возможность обретения бессмертия внутри карнавального коллективно-родового тела. В полном соответствии с лично выработанной индивидуальной философией, отражающейся во множестве других поэтических текстов, Кибиров стремится доказать, что единственная форма бессмертия, доступная человеку, – это бессмертие, предлагаемое христианской доктриной. Концепция бессмертия, защищаемая Бахтиным в книге о Рабле, соотносится не столько с христианством в различных его ответвлениях, сколько с учениями стоиков и материалистическим мирозерцанием. Помимо экспликации смысловой доминанты анализируемого стихотворения, статья описывает корреляции, существующие между его конкретными структурными элементами и теми фрагментами монографии Бахтина, которые спровоцировали их появление. Кроме того, в статье регистрируются и характеризуются все «следы» бахтинской философско-литературоведческой теории в корпусе текстов кибировской лирики. Наряду с этим излагаются наблюдения над спецификой композиционного членения стихотворения «Конспект», подчиненного задачам дезавуирования бахтинской концепции карнавала. Уделяется также внимание обозначению того места, которое стихотворение «Конспект» занимает и в художественном пространстве «Интимной лирики», и в эволюции кибировского творчества в целом.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, Тимур Кибиров, Франсуа Рабле, конспект, маргиналии, карнавал, амбивалентность, стоицизм, христианство, бессмертие

Сборник «Интимная лирика» (1998) занимает особое место в творчестве Тимура Кибирова. Сам он в предисловии объясняет отличие «Интимной лирики» от всего написанного ранее следующим образом: «...Большинство стихотворений, составивших эту книжку, резко отли-

чаются от всего, что я публиковал до сих пор. Дидактика предыдущих книг, искреннее желание сеять, если не вечное, то разумное и доброе, жизнеутверждающий пафос, сознание высокой социальной ответственности мастеров слова и т. п., к сожалению, уступили место лирике традиционно романтической, со всеми ее малосимпатичными свойствами: претенциозным нытьем, подростковым (или старческим) эгоцентризмом, высокомерным и невежественным отрицанием современных гуманитарных идей, дурацкой уверенностью в особой значимости и трагичности авторских проблем, et cetera» [Кибиров 2009, 316].

Разумеется, процитированное признание представляет собой не искренний рассказ об особенностях персональной творческой эволюции, а литературный прием, заключающийся в ироническом обыгрывании традиционных воззрений на природу поэтического творчества. Вместе с тем это признание, пусть и не напрямую, содержит вполне достоверную информацию о смене авторских пристрастий. До окончания “перестройки” Кибиров занимался тем, что пародийно воспроизводил штампы и формулы господствующего советского языка, включающие в себя и те из них, которые обслуживали литературную «дидактику», призывающую писателей сеять заготовленные Некрасовым семена разумности, доброты и вечности, не сбиваться с жизнеутверждающей тональности, осознавать всю серьезность ответственности перед партией и правительством и так далее.

Семь лет спустя, именно столько прошло между 1991 и 1998 годами, Кибиров неожиданно обнаружил, что постперестроечный язык, доминирующий в интеллигентском “волапюке” и средствах массовой информации, столь же клиширован, пуст и далек от подлинной реальности, как и абсолютно выхолощенный “говорильный аппарат” советской эпохи¹.

Поскольку в речевых средствах, не требующих паразитирования на кем-то созданном языковом “теле”, Кибиров был достаточно стеснен, ему не оставалось ничего другого, как направить свои силы по уже

¹ Свидетельств того, что этот язык воспринимается Кибировым как своеобразный жаргон новоявленных “офеней”, торгующих оптом и в розницу залежалым импортным товаром постмодернистской выделки, в «Интимной лирике» предостаточно. Приведем лишь два примера: «Мы говорим не дискурс, а дискурс! / И фраера, не знающие фени, / трепещут и тушуются мгновенно, / и глохнет самый наглый балагур!...» [Кибиров 2009, 327]; «Даешь деконструкцию! Дали. / А дальше-то что? – А ничто. / Над кучей ненужных деталей / сидим в мирозданье пустом. // Постылые эти бирюльки / то так мы разложим, то сяк, / и эхом неясным и гулким / крошечный отвечает мрак...» [Кибиров 2009, 342].

привычному руслу иронизирования и пародии. Разница с предшествующими поэтическими опытами заключалась только в том, что если ранее Кибиров добывал необходимые словесные блоки, «с энергией тупою вгрызаясь в гипс советского ампира» [Кибиров 2009, 340], то теперь под его руками оказался материал совсем иного рода – текучий, не до конца устоявшийся, аморфный. Для преодоления этого материала вполне хватало старческой “беззубости”, обходящейся минимальными энергетическими затратами.

Самую жидкую пищу поэтическому воображению Кибирова давали гуманитарные шлягеры 1990-х, истолкованию и переосмыслению которых и посвящена большая часть «Интимной лирики». Труды Ролана Барта, Валерия Подороги, Александра Эткинда и других властителей постперестроечных российских дум стали для Кибирова, с одной стороны, источником вдохновения, а с другой – объектом приложения давно отрететированных стихотворных методик. Раскрывая двери своей творческой лаборатории, Кибиров с профессиональной иронической ухмылкой приглашает читателя войти внутрь. «В помощь неутомимым исследователям проблем интертекстуальности, – сообщает он, – в конце книги приводится список основной литературы, так или иначе использованной при написании этой книги» [Кибиров 2009, 317]. Это вполне, надо сказать, привычное обнажение приема не только страхует автора от возможных претензий к предлагаемым интерпретациям и оценкам (“Что вы хотите? Это же не всерьёз!”), но и создает пародийную имитацию научного трактата, предполагающего обязательное присутствие подробной библиографии.

Среди книг, образующих содержательно-тематическое ядро «Интимной лирики», есть и книга Михаила Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (М., 1990), которой посвящено стихотворение «Конспект»².

² Стоит отметить, что история мировой поэзии знает множество случаев, когда высказывание, книга или даже целая мировоззренческая система какого-нибудь философа становились предметом лирической медитации (достаточно сослаться в этой связи на коллекцию соответствующих примеров, содержащихся в монографии Л.А. Калининкова «Иммануил Кант в русской поэзии» ([Калининков 2008])). Но ситуации, в которых роль стимула к созданию стихотворных опытов доставалась труду скорее филологическому (в большей степени соприкасающемуся с литературоведением, чем с философией как таковой), чрезвычайно, насколько можно судить, редки. В качестве поэтических произведений, имеющих типологически сходную с кибировским «Конспектом» генеалогию, можно назвать, в частности, стихотворения Федора Сологуба «Чародей-

Нельзя не обратить внимание на то, что с чтением этой монографии Тимур Юрьевич слегка подзадержался. Будучи впервые опубликованной в 1965 году, книга Бахтина довольно быстро стала поставщиком расхожих терминов и концепций. Уже в 1970-е годы в обязательный лексикон прогрессивного советского гуманитария прочно вошли ее основные понятия («карнавал», «амбивалентность», «материально-телесный низ» и т.д.). Но по каким-то причинам Кибиров приобщился к бахтинской мудрости уже тогда, когда «Творчество Франсуа Рабле» прекратило быть библиографической редкостью и превратилось в набор мемов, регулярно всплывающих даже в речах студентов-первокурсников. Иными словами, бахтинскую книгу Кибиров конспектировал не тогда, когда она была «ворованным воздухом» (точнее было бы сказать – полуворованным), а тогда, когда она стала предметом ритуализованных манипуляций, выражающихся, например, в ее обязательном упоминании филологами-диссертантами, усматривающими «карнавальное начало» в любом приеме пищи, даже если этот прием осуществлялся в университетской столовой³.

Прежде чем перейти к анализу внутренней структуры кибировского стихотворения, отметим, что заголовок, которым снабдил его автор, не является адекватным отражением содержательных параметров текста. Понятие «конспект» отсылает нас к идее предельно краткой фиксации

ный плат на плечи...» (1897) и «Нет словам переговоров...» (1922), инициированных чтением исследования Николая Крушевского «Заговоры как вид русской народной поэзии» (1876). Хотя сборник «Чародейная чаша» (1922), куда включены указанные стихотворения, не имеет списка использованной литературы, он обладает несомненными признаками квазинаучного оформления, выражающимися в том, что и к «Чародейному плату...», и к «Нет словам переговоров...» Сологуб делает примечания, вынесенные в конец книги и воспроизводящие цитаты из труда Крушевского (подробнее о влиянии Крушевского на Сологуба см.: [Коровашко 2009]).

³ Вероятнее всего, именно доступность издания 1990 года и послужила главным фактором, обусловившим обращение Кибирова к штудированию “библии” карнавала. На излете перестройки книга Бахтина была напечатана тиражом 50000 экземпляров, что на долгое время превратило ее из дефицитного товара в массовый продукт, регулярно всплывающий у букинистов по очень доступной цене. Впрочем, ради спасения чести чужого поэтического мундира вполне можно допустить, что на момент создания «Интимной лирики» Кибиров занимался не чтением, а углубленным перечитыванием книги Бахтина, с которой впервые ознакомился еще при советской власти. Однако такое допущение ничего не отменяет в наших дальнейших рассуждениях.

основных положений исходного произведения. По большому счету, конспект должен позволить любому, кому он попал в руки, получить представление о том произведении, которое послужило для него источником. Стихотворение Кибирова при всем желании нельзя рассматривать в качестве «пособия», дающего возможность реконструировать бахтинскую теорию народно-смеховой культуры. Впрочем, было бы по меньшей мере наивно предъявлять к лирической миниатюре требования подобного рода. У нее совсем другие задачи, лежащие не в области увеличения информативности, а в сфере, условно говоря, нагнетания суггестивности. Учитывая все эти уточнения, следует, однако, признать, что заглавие кибировского стихотворения обещает несколько больше, чем читатель в итоге получает. Это рассогласование читательских ожиданий и авторских деклараций не возникло бы, придумай Кибиров своему произведению другое название. Соревноваться с ним в «нейминге» мы, понятное дело, не будем, ограничимся лишь указанием на то, что в семантическом плане анализируемое стихотворение находится достаточно далеко от конспекта или парафразы, зато приближается к такому жанру, как маргиналии. Перед нами не рифмованное сокращенное изложение большого научного труда, а спровоцированное некоторыми его фрагментами и положениями частное высказывание.

При установлении соответствий между бахтинской книгой и произведением Кибирова становится очевидно, что все они делятся на две неравные по объему группы. К первой из них, содержащей меньшее количество элементов, относятся прямые отражения бахтинской терминологии. В «Конспекте», что, естественно, вполне предсказуемо, читатель сталкивается с такими ключевыми для «Творчества Франсуа Рабле» категориями, как «амбивалентность» и «карнавал». Другим опорным терминам данного исследования, «гротеску», «площадному слову» и «материально-телесному низу», в стихотворении Кибирова места не нашлось (будь это настоящий конспект, а не его поэтизированный вариант, подобная ситуация была бы немыслимой)⁴.

⁴ Есть в «Конспекте» и практически обязательный для любого разговора о Бахтине термин «диалог», восходящий к «Проблемам поэтики Достоевского». В пандан к нему следовало бы ожидать упоминание «хронотопа», но «Конспект» каким-то чудесным образом обходится без этого удручающе затертого слова. Однако в корпусе кибировской лирики, взятой как единое целое, мы это понятие все-таки находим. Фигурирует оно в стихотворении «Тема», открывающем сборник «Шалтай-Болтай», опубликованный в 2002 г. Вот его первая строфа, в которой и звучит знаменитый бахтинский термин: «Жил да был богов певец, / Пел он, пел и, наконец / оказался в полной жопе. / В этом скорбном хронотопе /

Вторую группу схождений, доминирующую в количественном плане, образуют не прямые отражения тех образов, которые фигурируют в пятой и шестой главах бахтинской монографии (под непрямыми отражениями мы понимаем все те случаи, когда исходное слово или фраза предстают в тексте-реципиенте в измененном обличье, например, в виде реминисценции, аллюзии, парафразы, смутно угадываемого отзвука и т.п.).

Так, строчки «я весь дерьмом измазан, я смешон» [Кибилов 2009, 325] коррелируют с рассуждениями Бахтина о том, что карнавальные гротескные снижения предполагали, помимо прочего, различные манипуляции с человеческими экскрементами: «...испражнения, — пишет он в главе "Площадное слово в романе Рабле", — играли большую роль в ритуале праздника глупцов. Во время торжественного служения избранного шутовского епископа в самом храме кадили вместо ладана испражнениями. После богослужения клир садился на повозки, нагруженные испражнениями; клирики ездили по улицам и бросали испражнениями в сопровождающий их народ. Забрасывание калом входило и в ритуал шаривари. До нас дошло описание шаривари XIV века в «Roman du Fauvel»; из этого описания мы узнаем, что метание кала в прохожих практиковалось тогда рядом с другим ритуальным жестом — бросанием соли в колодец» [Бахтин 1990, 163].

Фраза «утоплен в этом море разлитом» [Кибилов 2009, 325] восходит к замечаниям Бахтина о таких типичных гротескных образах, как «обливание мочой и потопление в моче» [Бахтин 1990 163], играющих большую роль в романе Рабле («Напомним знаменитый эпизод первой книги романа (гл. XVII), в котором Гаргантюа обливает своей мочой любопытных парижан, столпившихся вокруг него; напомним в той же книге эпизод с кобылой Гаргантюа, затопившей у брода Вед своею мочой часть войска Пикрохола, и эпизод с паломниками, попавшими в поток мочи Гаргантюа; наконец, из второй книги напомним затопление мочой Пантагрюэля лагеря Анарха» [Бахтин 1990, 163-164]).

Траектории, по которым продукты бахтинских дискурсивных практик попадают в пространство кибиловского «Конспекта», могут быть и более замысловатыми. Возьмем, допустим, образ «площадной музыки». У Бахтина этот образ не встречается, но в рецепте, по которому его сотворил Кибилов, никакого секрета нет. Говоря о «площадных элементах», наполняющих роман Рабле, Бахтин упоминает «крики Парижа»

Наш певец уж не поет — / тесно здесь для Каллиопы, / не влетит сюда Эрот!...» [Кибилов 2009, 513].

(устную уличную рекламу) и сообщает, что они «были облечены в стихотворную форму и исполнялись на определенную мелодию» [Бахтин 1990, 170]. Рекламный слоган, звучащий на площади и положенный на музыку, и дает в итоге «музыку эту площадную» [Кибилов 2009, 325].

Сетования лирического героя на то, что он «утробой веселой поглощен, / вагиною хохочущей засосан» [Кибилов 2009, 325], не подпадают под категорию цитирования, пусть даже приблизительного. Однако их можно рассматривать как модусы лексико-семантической “субстанции”, пронизывающей книгу Бахтина и заключающейся в уравнивании «разверзающегося зева земли», «материнской утробы», «разинутого рта людей и животных» [Бахтин 1990, 364]. По справедливому утверждению Бахтина, «рот в гротескной топографии соответствует чреву и “uterus”» [Бахтин 1990, 365]. Эпитет «хохочущая», в книге о Рабле нигде не применяемый для обозначения органа, названного Кибиловым, мотивирован эффектом автоматической констелляции типовых гротескных элементов: их соположение всегда таково, что возникает ощутимое комическое воздействие. Практически всё, «изображенное с помощью образов материально-телесного низа, снижается, очеловечивается и превращается в смешное страшилище» [Бахтин 1990, 372], способное и поглощать, и хохотать.

Парные образы «гуденья спермы» и «голошенья крови» [Кибилов 2009, 325] также могут показаться личным изобретением Кибилова, но и они имеют своим основанием не только индивидуальное воображение поэта, но и множество тех моментов в монографии Бахтина, которые затрагивают материально-телесные, физиологические аспекты карнализации. Их квинтэссенцию дает нам анализ начальной главы «Пантагрюэля», содержащий следующие положения: «После убийства Авеля пропитанная кровью земля была исключительно плодородной. <...> Таков первый телесный мотив этой главы. Его гротескно-карнавальным характер очевиден; первая смерть (по библейскому сказанию, смерть Авеля была первою смертью на земле) обновила плодородие земли, оплодотворила ее. Здесь – уже знакомое нам сочетание убийства и родов, но в космическом аспекте земного плодородия. Смерть, труп, кровь, как семя, зарытое в землю, поднимается из земли новой жизнью, – это один из древнейших и распространеннейших мотивов. Другая вариация его: смерть обсеменяет мать-землю и заставляет ее снова родить. Эта вариация часто расцветивается эротическими образами (конечно, не в узком и специфическом смысле этого слова). <...> Но этот древний образ смерти-обновления, во всех его вариациях и оттенках, Рабле склонен воспринимать не в высоком стиле античных мистерий, а

в карнавальном, народно-праздничном духе, как веселую и трезвую уверенность в относительном историческом бессмертии народа и себя в народе» [Бахтин 1990, 362-363].

Смерть, по Бахтину, присуща только телу индивидуальному. В противостоящем ему гротескном или родовом теле (оба этих понятия Бахтиным смешиваются) «смерть ничего существенного не кончает, ибо смерть не касается родового тела, его она, напротив, обновляет в новых поколениях» [Бахтин 1990, 357]. Принадлежность к этому родовому телу, обладающему «коллективным историческим бессмертием» [Бахтин 1990, 359], будто бы дает человеку ощущение сопричастности вечной жизни, отменяя факт печальной конечности его существования.

Опровержением этого оптимистического тезиса или, может быть, что будет точнее, декларацией принципиального несогласия с ним и является стихотворение Кибирова.

При таком подходе его композицию можно считать трехчастной, причем части эти несимметричны, образуя схему 5 – 1 – 1.

Первые пять строк – это описание бахтинского карнавала, данное словно изнутри, глазами его непосредственного участника, не столько рефлектирующего, сколько действующего (карнавал этот, добавим, напоминает воспетую Львом Толстым стихийную «роевую» жизнь): «Участвуя в бахтинском карнавале, / я весь дерьмом измазан, я смешон, / утоплен в этом море разлитом, / утробой веселой поглощен, // вагиною хохочущей засосан, / я растворяюсь в жиже родовой. / Вольно же было молодцу без спросу / внимать музыке этой площадной! // Блатной музычке, гоготу и реву, / срамным частушкам уличных сирен, / гуденью спермы, голошенью крови, / вольно же было отдаваться в плен? // Вольно же было липкую личину / на образ и подобье надевать, / Отца злодея, изменяя Сыну / под юбкою Праматери шнырять? // Зачем же, голос мой монологичный, / так рано ты отчаялся взывать, / солировать средь нечисти безличной, / на Диалог предвечный уповать?» [Кибиров 2009, 325].

Шестая строка – это своего рода теоретическое осмысление только что описанного, причем голос лирического героя здесь как бы начинает звучать через уста самого Бахтина: «Бубни теперь, что смерть амбивалентна, / что ты воспрянешь в брюхе родовом, / что удобряют почву экскременты, / и в этих массах все нам нипочём...» [Кибиров 2009, 325].

И, наконец, третья часть, ограниченная последней строкой, – это опровержение той философской и мировоззренческой концепции, которая излагалась и обдумывалась на протяжении первых двух частей. Метафорически обозначая стандартные карнавальные действия как при-

людно разыгрываемую смерть отдельного персонажа (неразрывная связь любого карнавала со смертью может быть проиллюстрирована хотя бы традиционным уничтожением масленичных кукол), Кибиров отвергает попытку Бахтина отождествить происходящее с праздничным обретением бессмертия внутри коллективно-родового тела: «что все равно... Не все равно, мой милый! / И смерть есть смерть, и на миру она / не менее противна, чем в могиле, / хотя, конечно, более красна» [Кибиров 2009, 326].

С его точки зрения, обещание бессмертия через попадание в цепь умираний и рождений, создающих в своем чередовании пульсацию космической жизни, столь же дешевый трюк, что и посулы бесконечного постмортального существования в народной памяти или вечного продолжения личного бытия в череде потомков. Вариант бессмертия, предлагаемый Бахтиным в книге о Рабле, ничем, по сути дела, не отличается от учения о спасении, развивавшегося в античную эпоху философами-стоиками. Последние пытались гарантировать своим адептам «вечность, но в безличной и анонимной форме – в форме бессознательного фрагмента космоса» [Ферри 2018, 63]. В их учении «смерть – это всего лишь переход, но этот переход осуществляется от личного и сознательного состояния <...> к состоянию слияния с космосом, в котором мы теряем все, что составляет нашу сознательную индивидуальность» [Ферри 2018, 63]. Однако стоикам нечего предложить тем, кто хотел бы после смерти сохранить, с одной стороны, собственное «я», а с другой – «встретиться с теми, кого любил, услышать, если это возможно, их голоса, увидеть их лица, а не встретить их в форме безличных космических фрагментов, камней или овощей...» [Ферри 2018, 63] (а тем более, позволим себе данное дополнение, – в форме продуктов деятельности пресловутого материально-телесного низа).

Нет большого секрета в том, какую форму бессмертия предпочитает сам Кибиров. Пусть в «Конспекте» и отсутствуют прямые указания на этот счет, но стоит нам выйти за его пределы, как ориентация поэта на систему христианских ценностей приобретёт характер неустрашимой очевидности. Роль символа веры в «Интимной лирике» выполняет финальное стихотворение сборника. В нем повествуется о том, как престарелый юнкер Шмидт, глядя в зеркало, «вынимает пистолет <...>, чтоб Творцу вернуть билет» [Кибиров 2009, 347].⁵ Лирический герой на пра-

⁵ В генетическом аспекте данное стихотворение Кибирова нужно рассматривать как заочный диалог с творением Козьмы Пруткова «Юнкер Шмидт»: «Вянет лист. Проходит лето. / Иней серебрит... / Юнкер Шмидт из пистолета /

вах создателя того замкнутого поэтического мира, в котором обитает планирующий самоубийство персонаж, стремится отговорить его от рокового поступка. Сначала он апеллирует к доводам разума, эстетического чувства и этического долга («Дорогой, честное слово, / это глупо и не ново, / некрасиво, нездорово! Ты же офицер»⁶ [Кибилов 2009, 347], но в конце концов использует календарный аргумент сакрального свойства: «Дело в том, что скоро Пасха! / В самом деле скоро Пасха! / Сплюнь три раза, вытри глазки! / Смирно! / Шаго-ом / арш!» [Кибилов 2009, 347].

Несмотря на то, что среди усердных читателей Бахтина были и те, кто доказывал необходимость определять этого ученого «путем сопряжения его с солнцем и далее с Пасхой» [Турбин 1991, 103], приближаясь тем самым к созданию новой, весьма специфической религии, заподозрить Кибилова в подобной “ереси” решительно невозможно. Пасха, о которой идет речь в «Престарелом юнкере Шмидте...», – это Светлое Христово Воскресение. Именно из Пасхального канона, а не из «Творчества Франсуа Рабле...» лирический герой Кибилова получает «благую весть о разрушении смерти» [Флоровский 1935, 135].

Источники

Кибилов 2009 – Кибилов Т. *Стихи*. М., 2009.

Прутков 1965 – Прутков Козьма. *Полное собрание сочинений*. Л., 1965.

Литература

Бахтин 1990 – Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 1990.

Калинников 2008 – Калинин Л.А. *Иммануил Кант в русской поэзии (философско-эстетические этюды)*. М., 2008.

Коровашко 2009 – Коровашко А.В. *Заговоры и заклинания в русской литературе XIX-XX веков*. М., 2009.

Турбин 1991 – Турбин В.Н. «И захватите с собой масла и сахару» (Два письма М.М. Бахтина: публикация и примечания) // Бахтин и философская культура XX века (Проблемы бахтинологии). Вып. I. Ч. 2. СПб., 1991. С. 99-106.

Хочет застрелиться. // Погоди, безумный, снова / Зелень оживится! / Юнкер Шмидт! честное слово, / Лето возвратится!» [Прутков 1965, 64].

⁶ В строгом смысле слова юнкер офицером не является, но для лирического стихотворения точность воспроизведения воинских чинов и званий относится к числу простительных погрешностей.

Ферри 2008 – Ферри Люк. *Краткая история мысли. Трактат по философии для подрастающего поколения*. М., 2018.

Флоровский 1935 – Флоровский Г. *О воскресении мертвых // Переселение душ. Проблема бессмертия в оккультизме и христианстве*. Paris, 1935. С. 135-167.

POETIZED RABLESIAN BRIEVIARY (TIMUR KIBIROV'S POEM "KONSPEKT")

© **Korovashko Alexey Valerievich (2019)**, SPIN-code: 9423-5439, Doctor of Philology, professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), welt20062@yandex.ru

The article is devoted to the analysis and interpretation of Timur Kibirov's poem "Konspekt" ("Synopsis"), which is part of the collection "Intimate Lyrics" (1998). The analysis of the poem shows that, contrary to the name, this poem is not a poetic paraphrase of the key provisions of the famous book of Mikhail Bakhtin "The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance" (1965), but, relatively speaking, the author's lyrical counterarguments intended for refutation of such a Bakhtinsky thesis as the possibility of gaining immortality within a carnival collective tribal body. In full accordance with the personally developed individual philosophy, reflected in many other poetic texts, Kibirov seeks to prove that the only form of immortality available to man is immortality offered by Christian doctrine. The concept of immortality advocated by Bakhtin in the book on Rabelais is related not so much to Christianity in its various denominations as to the teachings of the Stoics and the materialistic worldview. In addition to the explication of the semantic dominant of the analyzed poem, the article describes the correlations that exist between its specific structural elements and those fragments of Bakhtin's monograph that provoked their appearance. Moreover, the article contains records and describes all the "traces" of the Bakhtin's philosophical and literary theory in the corpus of texts of Kibirov's lyrics. The author also makes observations on the specific features of compositional division of the poem "Konspekt" ("Synopsis"), which serves the purpose of disavowing Bakhtin's concept of carnival. The study also focuses on the designation of the place that the poem "Konspekt" ("Synopsis") occupies both in the artistic space of "Intimate Lyrics" and in the evolution of Kibirov's work in general.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Timur Kibirov, Francois Rabelais, synopsis, marginal, carnival, ambivalence, stoicism, Christianity, immortality

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Турбин 1991 – Turbin V.N. *«I zakhvatite s soboy masla i sakharu» (Dva pis'ma M.M. Bakhtina: publikatsiya i primechaniya)* ["And Take Oil and Sugar with You" (Two Letters by M. M. Bakhtin: Publication and Notes)].

Bakhtin i filosofskaya kul'tura XX veka (Problemy bakhtinologii) [Bakhtin and the philosophical culture of the 20th century (Problems of bakhtinology)]. Вып. I. Ч. 2. St.Petersburg., 1991, pp. 99-106. (In Russian).

Флоровский 1935 – Florovskiy G. *O voskresenii mertvykh* [About the resurrection of the dead]. *Pereseleniye dush. Problema bessmertiya v okkul'tizme i khristianstve* [Reincarnation. The Problem of Immortality in Occultism and Christianity]. Paris, 1935, pp. 135-167. (In Russian).

(Monographs)

Бахтин 1990 – Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1990. (In Russian).

Калинников 2008 – Kalinnikov L.A. *Immanuil Kant v russkoy poezii (filosofsko-esteticheskiye etyudy)* [Immanuel Kant in Russian poetry (philosophical and aesthetic studies)]. Moscow, 2008. (In Russian).

Коровашко 2009 – Korovashko A.V. *Zagovory i zaklinaniya v russkoy literature XIX-XX vekov* [Spells in Russian literature of the XIX-XX centuries]. Moscow, 2009. (In Russian).

Ферри 2008 – Ferri Lyuk. *Kratkaya istoriya mysli. Traktat po filosofii dlya podrastayushchego pokoleniya* [A brief history of thought. A treatise on philosophy for the younger generation]. Moscow, 2018. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.09.2019